УДК 94+61(091)

«По учиненному анатомическому осмотру мертвого убитого тела явилось следующее…»: (не)очевидные аспекты проведения судебно-медицинской экспертизы в XVIII в.

Алина Р. Гарифуллина
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, argarifullina@hse.ru

Аннотация. Система медицинских осмотров при расследовании уголовных дел требует междисциплинарных подходов. Настоящее исследование охватывает период правления монархов, которые активно прибегали к трансферу медицинских идей из Европы в Россию. Эпоха Просвещения, в свою очередь, привнесла в общество научный прогресс, отход от религиозного понимания мира в сторону рационального мышления и осознания необходимости совершенствования всех сторон жизни общества, в частности медицинской науки и санитарных норм. В статье продемонстрировано, как судебно-медицинская экспертиза пришла в уголовный процесс XVIII в.: показана эволюция от анатомических отчетов конца XVII в. с внешним осмотром тел до медицинских заключений в виде посмертных исследований конца XVIII в. В результате проведенного анализа зафиксирована законодательная декларация необходимости судебно-медицинских осмотров, а также правоприменительная практика при проведении следственной процедуры. Кроме того, установлены причины, сдерживающие вскрытия именно в судебных целях, что выводит на вопросы, связанные как с уровнем медицинского обслуживания, так и с принципами вынесения наказаний за тяжкие преступления. Сравнение с европейской практикой расследования смертей позволяет вписать зачатки судебно-медицинской экспертизы Российской империи в общий контекст эпохи.

© Гарифуллина А.Р., 2026

Ключевые слова: анатомические вскрытия, Генеральный госпиталь, правоприменительная практика, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Гарифуллина А.Р. «По учиненному анатомическому осмотру мертвого убитого тела явилось следующее…»: (не)очевидные аспекты проведения судебно-медицинской экспертизы в XVIII в. // Молодой историк. 2026. № 3(7). С. 43–54.

"According to the anatomical examination of the murdered dead body, the following was revealed…": (un)obvious aspects of conducting a forensic medical expertise in the 18th century

Alina R. Garifullina
National Research University "Higher school of economics", Moscow, Russia, argarifullina@hse.ru

Abstract. The system of medical examinations while investigating criminal cases requires interdisciplinary approaches. The present study covers the reign of monarchs who actively resorted to the transfer of medical ideas from Europe to Russia. The Age of Enlightenment, in turn, brought scientific progress to society, departure from a religious understanding of the world towards rational thinking and the awareness of the need to improve all aspects of social life, in particular medical science and sanitary standards. The article demonstrates how forensic medical examination came to the criminal process of the 18th century: it shows the evolution from anatomical reports dating back to the late 17th century with external examination of bodies to medical reports in the form of the late 18th century postmortem examinations. As a result of the analysis, a legislative declaration of the need for forensic medical examinations was recorded, along with the law enforcement practice during the investigative procedure. Moreover, there were established the reasons that deter autopsies for judicial purposes, which leads to questions related to both the level of medical care and the principles of sentencing for serious crimes. Comparing Russian practice of investigating deaths with the European one allows one to fit the

rudiments of the forensic medical examination of the Russian Empire into the general context of the era.

Keywords: anatomical autopsies, General Hospital, law enforcement practice, criminal proceedings

For citation: Garifullina, A.R. (2026), " 'According to the anatomical examination of the murdered dead body, the following was revealed…': (un)obvious aspects of conducting a forensic medical expertise in the 18th century", *Young Historian*, no. 3(7), pp. 43–54.

Судебная медицина, как исследовательская область, является на данный момент практически не изученной историками, как специализирующимися на судебно-следственной системе, так и на истории медицины России XVIII в. Тем не менее эта тема позволяет проследить трансформацию повседневных практик. Для начала стоит обратиться к законодательной базе, регулировавшей механизм освидетельствования трупов в ходе расследования дел об убийствах. По Артикулу воинскому 1715 г. требовалось: «Кто умрет, который в драке был и бит, поколот, или порублен будет, лекарей определить, которые бы тело мертвое взрезали, и подлинно розыскали, что какая притчина к смерти ево была, и о том имеют свидетелство в суде на писме подать, и оное присягою своею подтвердить»[1]. В Артикуле 154 главы 19 «О смертном убийстве» были определены раны, считавшиеся смертельными.

Помимо этого, кодекс устанавливал необходимость учитывать орудие убийства и результаты медицинского осмотра при назначении преступнику наказания. Положения Морского устава 1720 г. предписывали докторам следующее: «Ежели убитой не скоро умрет, то свидетельствовать от тех ли побой умер…, или иная какая болезнь приключилась» для этого предполагалось «взрезать то мертвое тело и осмотреть»[2]. Вторая причина, по которой нужно было вскрывать трупы, была изложена в 114 параграфе Морского устава: «…А буде мертвый явится без всяких

[1] Артикул воинский 1715 года // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1986. С. 355–356.
[2] Устав морской. СПб., 1780. С. 173–174.

явных знаков, то его велеть доктору анатомировать, не явится в нутри от того бою чего и буде явится, то також розыскивать; а буде не явится, то оное причесть случаю и наказать только за драку»[3]. Параграфы Морского устава позволяют прийти к выводу, что наказание напрямую зависело от результатов осмотров. В Генеральном регламенте о госпиталях 1735 г. в частности был затронут вопрос об анатомических исследованиях. Обратим внимание на пункт регламента, по которому надлежало «дабы у них в мертвых телесах недостатка не было для толкования Анатомии… из Полиции и Юстиции, и откуда казнь чинится, сколь часто быть может, казненных людей или другия найденныя мертвыя брошенныя и подкинутыя телеса, в Госпиталь присылать без замедления не вонючия»[4]. Указы же об «анатомии тел убитых людей при следствиях по смертоубийству» повторялись в 1761 г. и 1779 г.[5]

Перейдем к вопросу о том, как обстояли дела на практике. Система медицинских осмотров родилась не при Петре I, она была порождена всей предшествующей историей существования Аптекарского приказа – учреждения, посылавшего во второй половине XVII в. в некоторых случаях медиков для выяснения внешних причин смерти людей без вскрытия[6] [Худин 2021, с. 169–187]. Одним из первых дошедших до нас судебно-медицинским освидетельствованием является исследование причин гибели кравчего, датского королевича Вальдемара Кристиана, произведенное в 1644 г. и нашедшее свое отражение в так называемой «медицинской скаске»[7]. Примечательно, что осмотр был санкционирован самим царем Михаилом Федоровичем.

[3] Устав морской. СПб., 1780. С. 175.

[4] Генеральный регламент о госпиталях и о должностях определенных при них докторов и прочих медицинского чина служителей, комиссаров, писарей, мастеровых, работных и прочих к оным подлежащих людей. Утвержден декабря 24 дня 1735 г. Б.м., 1785. С. 35–37.

[5] ПСЗРИ (Полное собрание законов Российской империи). Собрание 1-е Т. 15. СПб., 1830. № 11291.; ПСЗРИ. Т. 20. № 14905.

[6] Речь идет об осмотрах трупов высокопоставленных лиц или мертвых тел простых людей в условиях эпидемий «морового поветрия».

[7] РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 141.

Анатомические вскрытия с целью определения причины смерти начались при Петре I в учрежденных им Хирургических Училищах и Анатомических театрах при Генеральных Госпиталях в Москве и Санкт-Петербурге. В 1715 г. было проведено вскрытие тела скончавшейся после вторых родов кронпринцессы Шарлотты, супруги царевича Алексея, сына Петра I [Павленко 2008, с. 266-267]. В первой четверти XVIII в. врачи только начали отрабатывать навыки по судебно-медицинскому трупоразъятию[8].

Материалы Сыскного приказа (1730–1763) и Розыскной экспедиции (1763–1782) показывают, что одним из первых следственных действий по уголовным делам об убийствах, которое проводилось после обработки доноса, но до допросов подозреваемых, является первичный осмотр мертвого тела. Как правило, данная процедура представляла собой описание внешних повреждений на мертвом теле, выполненное служащими губернских или воеводских канцелярий, соцкими, десяцкими, пятидесяцкими: «А по осмотру явилось голова в трех местех розбита до крови, и раны велики, лице все избито сине и богрово, шея передавлена и вся синя, грудь вся синя ж, глаза и лице все багрово»[9]. Естественно, составители осмотров понимали, где «бито» или «розсечено», где «проколото» или «проломлено до крови»[10]. Результаты освидетельствования заставляли их задумываться: если на теле «горло перерезано», смерть не могла наступить от того, что «оная вся замерзла»[11], как это было заявлено изначально. В ходе анализа корпуса источников были выявлены клишированные фразы, что позволяет говорить об определенной структуре осмотра мертвого тела: в начале говорилось о наличии либо отсутствии кровавых боевых знаков на теле, затем шел обзор повреждений на теле, а в конце приводились данные о том, кто проводил осмотр, иногда говорилось о присутствии священника и понятых.

---

[8] Громов С.А. Краткое изложение судебной медицины: для академического и практического употребления. СПб., 1832. С. 29–31.

[9] РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 133. Л. 2, 5.

[10] РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5. Л. 11–11 об.; РГАДА. Ф. 372 Оп. 1. Д. 187. Л. 10.

[11] РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1013. Л. 4.

С начала 1730-х гг. наряду с проведением первичных осмотров появляются вскрытия тел, проводимые докторами и именуемые «анатомией мертвого тела»[12]. В случае Москвы процедуру проводили медики Генерального госпиталя. Отдельного рассмотрения заслуживает механизм «освидетельствования чрез генеральную гошпиталь»[13], а также непосредственно отчеты, представляемые медиками. Обращение к судебной практике по делам об убийствах позволяет понять, что розыскное учреждение требовало от Генерального госпиталя рапорты, в которых необходимо было установить, «отчего… смерть приключилась»[14]. При этом первичный осмотр, который представлял собой краткое описание внешних повреждений, мог быть произведен на съезжем дворе, затем тело присылали в госпиталь, где и проводилось вскрытие. Примечательно, что известие из госпиталя являлось в большей степени анатомическим отчетом с разной степенью для каждого конкретного случая указываемых подробностей, объяснение причин смертей зачастую сводились к следующему: «Смерть приключилась, ибо столь большие раны никоим образом излечить невозможно…»[15] Сама формулировка «смерть приключитца»[16] встречается в Артикуле Воинском Петра I.

Однако мертвое тело отправляли на освидетельствование в госпиталь в редких случаях. Необходимо помнить, что в обществе XVIII в. наблюдалась критическая нехватка врачей. Материалы следственных органов убеждают нас в том, что наличие профессионального лекарского осмотра со вскрытием могло зависеть от того, где было совершено преступление, и, соответственно, где находилось тело. Из деревень не отправляли тела на освидетельствование в госпиталь, ограничиваясь внешним обозрением трупа. Непосредственно из Москвы трупы могли посылать в Генеральный госпиталь для вскрытия медиками. Анатомические отчеты стандартного формуляра, запросы на

[12] РГАДА. Ф. 346. Оп. 1. Ч. 1. Д. 16. Первое вскрытие трупа относится к 1731 г. См. РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 38. Л. 17.
[13] РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.
[14] РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1576. Л. 7.; РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 48. Л. 3.
[15] РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 122. Л. 11.
[16] Артикул воинский 1715 года… С. 355–356.

которые отправлялись из судебных учреждений, отложились в фондах Медицинской канцелярии и сменившей ее Медицинской коллегии[17]. Учрежденная Екатериной II в 1763 г. Медицинская коллегия занималась организацией мероприятий по освидетельствованию мертвых тел на центральном уровне. Служащие данного учреждения посылали докторам указы о произведении вскрытий. Помимо этого, Медицинская коллегия курировала вопросы, связанные с обеспечением медиков необходимыми для процедуры инструментами[18].

Отдельный вопрос состоит в том, какую ценность медицинские известия представляли для следствия и в какой степени принимались во внимание во время розыскных мероприятий. В 1760-х гг. наблюдается эволюционирование медицинских освидетельствований трупов, присылаемых из госпиталя: они становятся более подробными с точки зрения анатомии. Тем не менее, складывается ощущение, что даже во второй половине XVIII в. осмотры со вскрытием и не нужны были следствию, поскольку служащие Сыскного приказа, Розыскной экспедиции при работе редко обращаются к известию из госпиталя. Наказание преступникам утверждалось на основе допросов, пыток, увещеваний. К тому же, не всегда медики могли установить, наступила смерть от побоев или от других обстоятельств. В Москве в 1770-х гг. в связи с эпидемией чумы наблюдается качественное и количественное развитие процедуры судебно-медицинских осмотров трупов. Их проводили, чтобы исключить «прилипчивую болезнь»[19] и заодно установить истинную причину смерти. Немногочисленные анатомические отчеты из Московского генерального госпиталя зачастую предоставлял Афанасий Шафонский, врач, спасший Москву от «моровой язвы» 1771 г. Среди причин смерти, помимо «насильственных наружных причин», могли значиться «преломление костей» или «антонов огонь»[20]. В приговорах

[17] РГАДА. Ф. 344. Оп. 1. Ч. 2. Д. 46, 47, 48, 173, 174, 205; РГАДА. Ф. 346. Оп. 1. Ч. 1. Д. 3, 4, 16.
[18] РГАДА. Ф. 344. Оп. 1 Ч. 2. Д. 61. Л. 1–2.
[19] РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 2159.
[20] РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 1711, 1864, 2579.

фигурирует информация о результатах первичного осмотра тела или медицинского освидетельствования. Тем не менее следствие не принимает во внимание их заключения[21]. Вышеуказанные следственные мероприятия в теории могли установить умысел в отсутствие признания, но на практике, даже если в приговоре дана выдержка из судебно-медицинского отчета, следствие при вынесении наказания опиралось на допрос подозреваемого и результаты повального обыска.

Судебно-медицинские исследования имели место не только по делам об убийствах, но и в случаях окормления ядом. Освидетельствования не ограничивались только трупами, но были распространены и на отравленные объекты. Так, в 1772 г. фабричный Василий Косягин дал дворовому человеку Агапу Сидорову «замешенную на муке с мышъяком лепешку для отравы мышей», отчего жена Сидорова «укуся онои нечаянно умре»[22]. Когда женщина «занемогла чрезвычайною таскою и рвотою»[23], в дом Сидорова был прислан штаб-лекарь из Павловской больницы, который осмотрел больную и взял на свидетельство лепешку. Соседи заметили странности в поведении Агапа Сидорова через несколько дней после смерти жены: мужчина принес в дом еще одну лепешку и оставил ее на окне, когда находка была обнаружена, Сидоров якобы кинул лепешку в «нужник»[24]. Другие дворовые, не сумев найти лепешку, принудили Сидорова самого отыскать ее. Агап Сидоров не признал вины даже «под сечением кошками»[25]. Предполагаемый сообщник Косягин рассказал, как изготавливал подобные лепешки для отравы мышей на продажу в разные дома, получая вознаграждение в денежном либо натуральном виде. Однако по «свидетельству лепешки чрез химическия эксперименты» оказалось, что в ней не нашлось мышьяка «и никакого здравию человеческому вреднаго яду»[26]. На решение по делу повлияло объявление от помещика, который отказался

21 РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 1711. Л. 11–14.
22 РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 2253. Л. 1.
23 РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 2253. Л. 4.
24 РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 2253. Л. 5.
25 РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 2253. Л. 10.
26 РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 2253. Л. 21.

принять назад Сидорова «за старостию»[27], в связи с чем подозреваемый за «непредосторожность»[28] был сослан в Сибирь после наказания плетьми. Следствие, не получив в свое распоряжение улик против Косягина, отказалось от привлечения его в качестве сообщника.

В средневековой Европе, благодаря античному наследию, медицинским заключениям, обладавшим статусом экспертных оценок, придавалось большее значение, нежели другим свидетельским показаниям, чего нельзя сказать даже о России XVIII в. При этом при посмертном исследовании в России Нового времени преобладал описательный подход, который в источниках назван анатомией, в то время как европейская традиция судебной медицины, начиная со Средних веков, развивалась как предсказательный способ свидетельствования, что подразумевает фокус на последствиях полученных травм. Несмотря на то, что медико-юридические отчеты в Европе и России Нового времени схожи по структуре, европейские медики стремились не только зафиксировать повреждения на теле, но и реконструировать способ и причину смерти, попутно высказывая предположения о том, что могло служить орудием убийства и была ли рана смертельной [Watson 2010, p. 26–37]. Кроме того, отличался и сам механизм осмотра тел: французские медики, например, вскрывали тела на месте преступления[29], тогда как в Российской империи сама процедура и составление заключения, от чего наступила смерть, проходили либо в госпитале, либо в физикате, либо со второй половины XVIII в. на медицинском факультете Московского университета.

В ходе сравнения судебно-медицинской экспертизы России и европейских стран удалось выявить факторы, сдерживающие применение медицинских знаний и практик в уголовном процессе в Российской империи вплоть до конца XVIII в. Во-первых, законодательное требование, чтобы судья консультировался с врачом появилось лишь при Петре I несмотря на то, что практика использования доказательств из медицинских обследований

[27] РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 2253. Л. 20.
[28] РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 2253. Л. 32.
[29] Devaux J. L'art de faire les raports en chirurgie. Paris, 1703. P. 518–520.

сложилась веком ранее[30]. В городах средневековой Италии медицинские работники были обязаны сообщать о преступлениях полиции, значительную часть карьеры отдельные врачи проводили на службе у суда [Turner 2014, p. 138–139]. Можно говорить о начале складывания института публичной судебно-медицинской экспертизы в Европе раннего Нового времени. В Российской империи закон об определении лекарей при Московской Полиции с назначением им жалованья появился только в 1776 г.[31] Во-вторых, в России до середины XVIII в. отсутствовало медицинское университетское образование: обучение проходило по системе ученичества при госпиталях и аптеках, что ограничивало как количество кадров, так и их доступ к актуальным научным знаниям. В-третьих, развитие судебно-медицинской практики могла сдерживать нехватка кадров в бюрократическом аппарате и низкая квалификация сотрудников, предназначенных для делегирования врачам задач в делах, связанных с насильственной или несчастной смертью, травмой. Стоит отметить, что в конце XVIII в. в России появляются труды врачей по судебной медицине. Судебный медик из Австрии Иоганн-Якоб Пленк выпустил в 1781 г. труд под названием «Избранные предметы относительно судебной медико-хирургической науки» [Пленк 2004, с. 7–109], который был переведен на русский язык в 1799 г. Это означает, что в России к этому времени был спрос на такие пособия.

Таким образом, несмотря на законодательное требование анатомировать трупы для изыскания причин смерти, правоприменительная практика показывает, что вскрывали далеко не многих, при этом осмотры мертвых тел не были социально обусловлены. Неоднократное повторение указов свидетельствует об их неисполнении в ходе судебных процессов. Наличие формуляра у освидетельствования говорит о его регламентации как элемента судопроизводства. Отправка тел на анатомирование из судебных учреждений способствовала в том числе и развитию судебно-медицинской науки в Российской империи. Можно

[30] Требования Земского приказа от Аптекарского приказа докторов или лекарей для осмотра мертвого тела. Подробнее см. Новомбергский Н.Я. Врачебное строение допетровской Руси. Томск, 1907. С. 256.
[31] ПСЗРИ Т. 20. № 14421.

сделать вывод, что медицинские отчеты, хотя и демонстрировали растущие возможности следствия, к началу 1780-х гг. не были полноценным образом интегрированы в процедуру судебного разбирательства.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-030).

ACKNOWLEDGMENTS

This article is an output of a research project (HSE-BR-2025-030) implemented as part of the Basic Research Program at HSE University.

ЛИТЕРАТУРА

Павленко 2008 – *Павленко Н.И.* Царевич Алексей. М.: Молодая гвардия, 2008. 297 с.

Пленк 2004 – *Пленк И.Я.* Наставление по судебной медицине. СПб.: Издательство юридического факультета СПбГУ, 2004. 432 с.

Худин 2021 – *Худин К.С.* Документы Аптекарского приказа (1629–1672 гг.) как исторический источник: дис. … канд. ист. наук. М., 2021. 280 с.

Turner 2014 – *Turner W.J.* Medicine and the Law in the Middle Ages. Leiden: Brill Academic Publishers, 2014. 292 p.

Watson 2010 – *Watson K.D.* Forensic Medicine in Western Society: A history. L.: Routledge, 2010. 224 p.

REFERENCES

Khudin, K.S. (2021), *Dokumenty Aptekarskogo prikaza (1629–1672 gg.) kak istoricheskii istochnik* [Documents of the Apothecary's Order (1629–1672) as a historical source], Ph.D. Thesis (History), Moscow, Russia.

Pavlenko, N.I. (2008), *Tsarevich Alexei* [The prince Alex], Molodaya Gvardiya, Moscow, Russia.
Plenk, I.Y. (2004), *Nastavleniye po sudebnoy meditcine* [Manual on forensic medicine], Isdatelstvo yuridicheskogo faculteta SPBGU, St. Petersburg, Russia.
Turner, W.J. (2014), *Medicine and the Law in the Middle Ages*, Brill Academic Publishers, Leiden, NL.
Watson, K.D. (2010), *Forensic Medicine in Western Society: A history*, Routledge, London, UK.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алина Р. Гарифуллина, студентка бакалавриата, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; стажер-исследователь Института региональных исторических исследований, Москва, Россия; 105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная 21/4, стр. 1; argarifullina@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alina R. Garifuulina, bachelor student, National Research University "Higher school of economics"; research assistant of the Research Institute of Regional History, Moscow, Russia; 21/4, bld. 1, Staraya Basmannaya, Moscow, Russia, 105066; argarifullina@hse.ru

Поступила в редакцию: 14.07.2026
Поступила рецензия: 12.08.2026
Принята к публикации: 17.08.2026